

~~2905~~

~~8440~~

БІБЛІОТЕКА
ОВОГО ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА.

7

~~8440~~

З БІБЛІОТЕКИ
НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА

імені

ШЕВЧЕНКА

У ЛЬВОВІ.

60077

8742

11.

1751

2025

(2025)

23

10
Сергій Ефремовъ.

~~8/11/12~~

БЫТОПИСАТЕЛЬ

ПОРЕФОРМЕННОЙ УКРАИНЫ.

Къ 35-лѣтнему юбилею литературной дѣятельности И. С. Нечуя-Левицкаго.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“

2905
(300) 14 - 1938

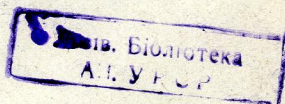
БІБЛІОТЕКА
НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА
ІМЕНІ ШЕВЧЕНКА

Пр. № 08 с. Т. у сср - 1965

К І Е В Ъ.

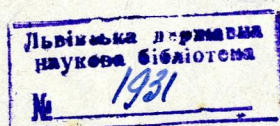
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская. № 6.
1905

25 (28) 54 Мелу-Левин 4/5

205

Дозволено Цензурою. Київ, 3 марта 1905 г.

Бытописатель пореформенной Украины.

Къ 35-лѣтнему юбилею литературной дѣятельности И. С. Нечуя-Левицкаго.

Въ декабрѣ прошлаго года украинское общество праздновало 35-лѣтній юбилей одного изъ выдающихся своихъ писателей—Ивана Семеновича Левицкаго. Рѣдкое лицо среди современныхъ украинскихъ дѣятелей пользуется такою широкою и вполне заслуженною популярностью на Украинѣ, какъ авторъ безсмертныхъ «бабы Параски та бабы Палажки», «Кайдашевой симы», «Старосвитськихъ батюшокъ и матушокъ» и многихъ другихъ произведеній, и потому юбилей его объединилъ всѣхъ представителей украинскаго общества, сошедшихся на юбилейномъ торжествѣ въ Кіевѣ, чтобы «едиными усты и единымъ сердцемъ» чествовать любимаго писателя. Но и помимо чисто литературныхъ заслугъ, мягкая, симпатичная, отзывчивая личность его, стоящая внѣ всякихъ партійныхъ споровъ и личныхъ счетовъ, много способствовала этому единодушію, проявившемуся на юбилейномъ чествованіи.

И. С. Левицкій, въ началѣ своей литературной дѣятельности болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ—Иванъ Нечуй, родился 13 ноября 1838 года въ м. Стеблевѣ, кіевской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Родъ Левицкихъ былъ старый духовный родъ, связанный семейными преданіями и сословными традиціями съ тѣми временами, когда на Украинѣ при замѣщеніи духовныхъ «посадъ» еще въ полной силѣ было выборное начало и когда это выборное

духовенство жило одною жизнью съ народомъ, отличаясь отъ послѣдняго лишь бѣльшимъ сравнительно уровнемъ развитія. Отецъ И. С. Левицкаго для своего времени былъ весьма незаурядной личностью: онъ очень любилъ книги, говорилъ проповѣди на родномъ роду языкѣ, основалъ школу, мечталъ даже о потребительской лавкѣ, чтобы избавить своихъ прихожанъ отъ эксплуатаціи мѣстныхъ торговцевъ. Своихъ дѣтей онъ знакомилъ съ украинской исторіей и современными отношеніями на Украинѣ и вообще вліялъ на развитіе среди нихъ симпатій къ родному краю и роду: Ив. Сем. еще въ дѣтствѣ познакомился съ исторіей Украины по сочиненіямъ Бантышъ-Каменскаго и Маркевича, по лѣтописи Самовидца, которыя имѣлись въ библіотекѣ его отца. Въ томъ же направленіи, съ другой стороны, вліялъ и общій складъ жизни тогдашняго духовенства, близость послѣдняго къ роду. Мать И. С. Левицкаго, происходившая изъ стараго козацкаго рода, по-русски совсѣмъ не говорила, благодаря чему въ домѣ господствовала украинская рѣчь. Дѣти всегда вращались въ обществѣ крестьянъ, слушали тѣ же сказки, пѣли тѣ же пѣсни, что и ихъ ровесники-крестьяне, участвовали во всѣхъ церемоніяхъ, въ родѣ крестинъ, свадьбъ, похоронъ и т. п., исполнявшихся по строго народнымъ обычаямъ. Не зная никакого «средостѣнія» между собой и народной массой, И. С. Левицкій еще въ дѣтствѣ, совершенно безсознательно, впиталъ то здоровое зерно искренняго демократизма, которое впоследствии стало руководящей нитью всей его литературной дѣятельности и котораго не смогла вытравить даже все обезличивающая школа, построенная на совершенно иныхъ началахъ. Было еще одно обстоятельство, фиксировавшее указанное вліяніе окружавшей будущаго писателя среды. «Ще якъ я бувъ малымъ хлопцемъ,—пишетъ онъ въ своей автобіографіи,—я чувъ про Шевченка: тоди въ насъ по селахъ скризь говорылы про його, бо Кереливка, де родився Шевченко, всього за двадцять верстовъ одъ Стеблева. Я чувъ, що винъ пробувавъ у Корсуні у свого родыча, Варфоломея Шевченка, за висимъ верстовъ одъ Стеблева. Знакоми наши заносылы зъ Корсуня навить урывкы його виршивъ, котри винъ тоди складавъ.

Слава його тоді ходила скрізь по селахъ» ¹⁾. Обаяніе имени Шевченка, підкрѣпленне раннямъ знакомствомъ съ произведеніями геніального українського Кобзаря, дало, по всій вѣроятности, першій сознательний толчокъ въ томъ направленіи, которое было уже приготовлено вліяннємъ родителей и окружающей обстановкой.

Въ 1847 г. И. С. Левицького отдали въ Богуславское духовное училище, типическую «бурсу» добраго стараго времени, такъ талантливо изображенную безвременно скончавшимся ровесникомъ нашего писателя, Апатоліємъ Свидницькимъ. Жестокая до послѣднихъ предѣловъ тиранства фигура смотрителя училища, игумена Феодора, наложила на всю школьную жизнь крайне тяжелый отпечатокъ забитости и безпощаднаго сѣченія, дополняемыхъ латинской и греческой мертвечиной, преслѣдованнємъ за «мужычи слова» и т. п. И если дореформенная бурса не вполне обезличивала своихъ питомцевъ, то это объясняется лишь относительной свободой учениковъ во внѣзубное время и близостью ихъ къ здоровой окружающей обстановкѣ.

Четырнадцать лѣтъ И. С. Левицькій перешелъ въ Кіевскую семинарію, которая по постановкѣ учебнаго дѣла и приѣмамъ мало отличалась отъ бурсы, но за то давала болѣе широкій просторъ индивидуальнымъ наклонностямъ семинаристовъ. Желаящіе могли удовлетворять свою духовную жажду, по крайней мѣрѣ, внѣ стѣнъ семинаріи, изъ постороннихъ источниковъ. И. С. Левицькій заинтересовался французской литературой, съ которой и познакомился основательно, тратя на приобрѣтеніе книгъ свои скудные семинарскія средства. Тогда же ему впервые случилось прочитать сочиненія Пушкина и Гоголя; съ произведеніями Шевченка онъ былъ знакомъ раньше и нѣкоторые изъ нихъ зналъ даже наизусть.

Прослуживъ нѣкоторое время по окончаніи семинаріи учителемъ того же Богуславскаго училища, въ которомъ самъ когда то учился, И. С. Левицькій въ 1861 г. поступаетъ въ Кіевскую

¹⁾ Свѣт, 1881, стр. 156. Ср. Ив. Левицький «Повисѣти й оповидання» т. I, стр. 302.

духовную академію. Въ русской жизни это время было, какъ извѣстно, лучемъ свѣта, ворвавшася яркой полосой въ сплошное темное царство забитости, безправія и крѣпостныхъ отношеній; въ воздухѣ повѣяло весной, рухнуло крѣпостное право, и на его развалинахъ всѣмъ прогрессивнымъ людямъ грезилось уже полное обловленіе Россіи. Всеобщее оживленіе коснулось и питомцевъ духовной академіи, и въ ея стѣнахъ горячо дебатировались волновавшіе всѣхъ вопросы жизни; прогрессивные журналы читались запоемъ и обсуждались со всею пылкостью, на которую только способна горячая юность. Вѣроятно, въ стѣнахъ академіи впервые всталъ предъ г. Левицкимъ во всей своей настоятельности и національный вопросъ, для возбужденія котораго академія представляла весьма удобную почву. Здѣсь царствовала невообразимая смѣсь «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній»; здѣсь сталкивались бокъ-о-бокъ представители различныхъ національностей, разныхъ культуръ; здѣсь въ одной комнатѣ часто приходилось жить студентамъ—украинцу, великороссу, болгарину, сербу, греку. На фонѣ племенныхъ отличій, привычекъ, языка и другихъ условий естественнѣе всего было возникнуть вопросамъ: «кто мы? чьи сыны, якихъ батькивъ?..» — тѣмъ болѣе, что южные славяне и въ Россію приносили съ собой горькія воспоминанія о турецкихъ звѣрствахъ и горячія мечты объ освобожденіи родного народа изъ-подъ чужеземнаго ига. «Украинські студенти,—говорить И. С. Левицкій въ повѣсти «Хмары»—ще не малы тоди ясного почуття національности; але слухаючи серба й болгара, вони й собі згадали про свій нещасний народъ, зовсімъ побитый зъ языкомъ, літературою й исторією» ¹⁾). Выходившая въ то время въ Петербургѣ «Основа» давала матеріаль для постановки національнаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла готовую арену для лицъ, обладавшихъ литературными наклонностями. У И. С. Левицкаго уже въ то время возникаетъ мысль—писать для «Основы», оставшаяся впрочемъ не осуществленной, такъ какъ первый украинскій органъ скоро прекратилъ свое существованіе.

¹⁾ «Повісті Івана Левіцького», Київ, 1876, стр. 12.

Тѣмъ не менѣе дѣло пробужденія было сдѣлано; вопросъ твердо запалъ въ душу и настоятельно требовалъ своего разрѣшенія. Отрицательное отношеніе къ украинскому вопросу окружающей среды, какъ это ни странно, въ сильной степени способствовало его разрѣшенію именно въ положительномъ направленіи. Нужно замѣтить, что за исключеніемъ весьма немногихъ, товарищи-великороссы весьма нетерпимо относились къ стремленіямъ украинцевъ, отказывая украинскому народу и его литературѣ въ правѣ на существованіе, а одинъ изъ профессоровъ *ex cathedra* объявилъ, что въ интересахъ государства необходимо сжечь украинскую литературу, равно какъ и бѣлорусскую, если бы послѣдняя появилась. Несомнѣнно, подобное нетерпимое отношеніе всегда достигаетъ результатовъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду, такъ какъ ставить вопросы національнаго существованія въ совершенно ясной и категорической формѣ даже предъ тѣми, кто мало ими интересуется. Такимъ образомъ уже въ академіи совершенно ясно намѣченъ былъ И. С. Левицкимъ тотъ путь, съ котораго нашъ писатель не сходилъ уже въ теченіе всей своей жизни. Въ этомъ и кроется разгадка того непонятнаго, на первый взглядъ, обстоятельства, какъ могъ появиться этотъ крупный талантъ, посвятившій себя мало популярной тогда литературѣ, при обстоятельствахъ, невольно вызывающихъ на извѣстный вопросъ: «изъ Назарета можетъ ли что добро быть?»—при томъ совершенно самостоятельно, безъ связи съ тѣми кружками, въ которыхъ въ то время сосредоточивалось украинское движеніе. Личныя знакомства въ украинскихъ сферахъ Ив. Сем. Левицкій пріобрѣтаетъ уже впоследствии.

По окончаніи академіи въ 1865 г., Ив. Сем. Левицкому пришлось служить нѣкоторое время въ Полтавѣ учителемъ семинаріи. Матеріальная необезпеченность и справедливыя опасенія за свою судьбу въ томъ случаѣ, если характеръ и направленіе его литературныхъ трудовъ станетъ извѣстнымъ духовному начальству, побудили начинающаго писателя перемѣнить службу. Изъ Полтавы И. С. Левицкій переходитъ учителемъ гимназіи въ Калишъ, гдѣ ему представилась возможность прекрасно изучить жизнь поль-

скаго общества, такъ выпукло изображенную впоследствии въ его произведеніяхъ. Въ началѣ службы И. С. Левицкаго въ Царствѣ Польскомъ, преподаваніе въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ происходило на польскомъ языкѣ, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, порученныхъ И. С. Левицкому. Еще не было и слуху о «располяченіи» польской школы, и потому среди своихъ товарищей-поляковъ И. С. Левицкій не замѣтилъ и тѣни какого-нибудь враждебнаго къ себѣ отношенія. Но уже спустя поль года обстоятельства рѣзко измѣнились, и И. С. Левицкому пришлось быть свидѣтелемъ введенія въ польскую школу русскаго языка, которое какъ громомъ поразило польское общество. «Ця подія,—пишетъ И. С. Левицкій проф. Огоновскому объ извѣстномъ циркулярѣ, изгонявшемъ польскій языкъ изъ польской школы,—лягла важкымъ впечаткомъ на мою душу. Я знавъ, що колысь и Польша карала Украину такымы бумагами, що й наші предки вынеслы одъ Польщи таку саму сумну моральну муку. Я бачывъ своїмы очыма, якъ историчня Немеziда повернула на саму Польшу ихъ же оружжя, але мені все-таки було сумно дывытысь, якъ націю живцемъ кладуть въ домовину»¹⁾. Жизнь въ Калишѣ, благодаря этому обстоятельству, сдѣлалась для И. С. Левицкаго мало привлекательной и онъ перешелъ первоначально въ Сѣдлецъ, а затѣмъ ближе къ Украинѣ—въ Кишиневъ, гдѣ и служилъ до 1885 г. когда вышелъ въ отставку и поселился въ Кіевѣ, отдавшись уже исключительно литературѣ. Бывшіе ученики украинскаго писателя сохраняютъ о немъ самыя теплыя воспоминанія. Какъ учитель, онъ всегда пользовался большимъ вліяніемъ среди учениковъ, будучи врагомъ узкаго педантизма и формализма и обращая преимущественное вниманіе на развитіе въ своихъ ученикахъ любви къ наукѣ и литературѣ.

Первое произведеніе Ив. Сем. Левицкаго, начатое еще въ Полтавѣ, появилось въ печати въ 1868 г.,—это былъ рассказъ «Дви московки», напечатанный въ львовскомъ журналѣ «Правда». Несмотря

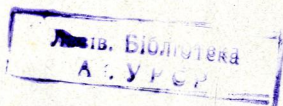
¹⁾ Огоновскій проф.—Исторія литературы рускон. Ч. III, в. I. Львів, 1891. Стор. 576.

на нѣкоторую подражательность въ манерѣ, обнаруживающую вліяніе лучшаго тогда въ украинской литературѣ прозаика Марка Вовчка, разсказъ несомнѣнно показывалъ, что молодой авторъ имѣетъ на своей палитрѣ и собственныя краски, хотя и не обладаетъ пока достаточной опытностью и умѣньемъ примѣнить ихъ къ дѣлу. Слѣдовавшія непосредственно за «Двома московками» произведенія вполнѣ подтвердили это, и издатели ихъ съ полнымъ основаніемъ могли заявить о надеждахъ, возлагавшихся на новаго писателя. Второе по времени произведеніе И. С. Левицкаго «Гориславська ничъ» («Рыбалка Панасъ Круть») носитъ уже всѣ черты оригинальнаго художественнаго дарованія, глубоко проникающаго въ народную жизнь; слѣдующее—повѣсть «Прычепа»—дало поводъ ветерану украинской литературы Кулишу заявить, что Нечуй «першый доторкнувся жыття нашого товарыського, та тымъ поклавъ засновокъ до романивъ соцыальныхъ» ¹⁾. И вообще первые шаги нашего писателя были замѣчены и оцѣнены по заслугамъ. «Иванъ Нечуй,—читаемъ въ предисловіи къ I т. его произведеній,—у своихъ повистяхъ, чы то малюючи ситуаціи душы чоловичои, чы ставляючи передъ очи наши образы зъ природы, показався велькымъ артыстомъ, а вся Украина покладае у його талантови що найбільши надії» ²⁾.

Направленіе и содержаніе литературной дѣятельности И. С. Левицкаго вполнѣ опредѣляется особенностями той замѣчательной эпохи, когда онъ впервые раскрылъ свои глаза, чтобы сознательно относиться къ общественнымъ явленіямъ. Начавъ свою сознательную жизнь въ эпоху перелома общественныхъ отношеній въ Россіи, онъ вмѣстѣ съ г. Панасомъ Мырнымъ явился лучшимъ истолкователемъ и выразителемъ этого перелома въ украинской литературѣ и бытописателемъ украинской жизни пореформеннаго періода, хотя, конечно, корни его міровоззрѣнія заходили гораздо глубже, выражаясь въ отрицательномъ отношеніи къ дореформенному строю. «Хто зъ кыянъ,—

¹⁾ «Повісті Івана Нечуя». Т. I. У Львові, 1872. Предисловіе.

²⁾ Ibid.

пишетъ онъ въ повѣсти «Причеп» — не памятае часу передъ Севастопольською вѣйною? То бувъ тяжкый часъ для Украины, то було їи лыхолиття. Простый народъ стогнавъ у тяжкѣй неволи підъ панамы, мусивъ мовчаты и терпѣты гирше, якъ до Хмельницького. А за кожнѣй стонъ його московськымъ звываемъ катовано. Украина забула исторични переказы и не могла наукою дѣйты до страченихъ думокъ. На обохъ бокахъ Днипра опынылись у чужыхъ порядкахъ, въ чужѣй шкури, набиралыся чужою мовою, забувалы свою. Згинула наука, впала просвѣта, зоставшысь тилькы въ схоластычныхъ латынськихъ духовныхъ школахъ. Университетська наука була тилькы азбука европейскою просвѣты, обрѣзаной по казеннѣй мири. Та наука хотила повыучуваты соби людей на москаливъ, до вѣйска, до уряду. Зъ украинськихъ университетивъ и другихъ шкиль новыходылы ти хантурныкы, хабарныкы-урядныкы, несправедни судди, що правого робылы вынымъ, а выноватого правымъ, — ти консерваторы вчытели и профессоры, що вертили исторією по московському наказу, — ти офицери-москалы, що забывалы свѣй же народъ на закуціяхъ. А народъ робывъ панщину, а поміщыкы-ляхы и москалы дерлы останню шкуру зъ Украины, тымъ часомъ, якъ наши щыроукраинци за свою молоду украинську идею сыдылы вже въ неволи, на далекѣй московскѣй пивночи. То бувъ тяжкый часъ, бодай вишь не вертався! ¹⁾ Разложеніе и гниль дореформеннаго строя, выраженное И. С. Левицкимъ въ этихъ рѣзкихъ штрихахъ, къ сожалѣнію, не было устранено вполне и эпохою великихъ реформъ, оставшихся не доведенными до естественнаго конца. Слѣды дореформенной гнили сказываются поэтому и въ послѣдующѣй періодъ, и тѣмъ яснѣе, чѣмъ дальше данная область общественныхъ отношеній была остановлена на пути къ полному обновленію жизненныхъ устоевъ. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи, помнѣнію И. С. Левицкаго, стоитъ неудовлетворительность разрѣшенія экономическаго и національнаго вопросовъ. «Тымъ часомъ насталы, — пишетъ онъ въ повѣсти «Бурлачка», — не легки часы.

¹⁾ Ibid, 258—259.

Народъ ишовъ на роботу до панивъ зъ великою неохотою, бо плата за роботу була мала, и тильки нужда гнала його на панську роботу... Паны почали найматы на рикъ строковыхъ за малу цину въ зимній часъ, корыстуючысь народнымъ голодомъ та холодомъ та всякою нуждою: стали на Украини звисни порціи, *маленька нова паницына*» ¹⁾. Связь между настоящимъ крѣпостнымъ правомъ и современной «маленькою новою паницыною» особенно ясно обнаруживается изъ повѣсти «Мыкола Джеря».

Дѣйствіе ея открывается еще при крѣпостномъ правѣ. На сценѣ крѣпостныя отношенія, характеризуемая полною приниженностью человѣческой личности, безпощадной эксплуатаціей человѣческаго инвентаря и совершеннымъ пренебреженіемъ къ его личной жизни и матеріальнымъ интересамъ. Молодой парубокъ Мыкола Джеря сосваталъ дѣвушку изъ сосѣдней деревни, принадлежавшей другому помѣщику. Этотъ послѣдній соглашался на бракъ лишь подъ условіемъ, что вмѣсто уходящей отъ него работницы онъ получитъ другую, равноцѣнную. Что пережила несчастная пара—легко представить, но вотъ совершенно случайно требуемая замѣна произошла и молодые получили возможность соединить свою судьбу, казалось бы, на вѣки. Свадьба закончилась, молодые вступаютъ въ новую жизнь. Вотъ какъ началась эта новая жизнь.

Вечери по-пидь дворами йиздывъ осавула на кони й загадувавъ усимъ на паницыну до току. Крыкъ осавулы давъ знаты людямъ, що весиля скинчилось. Вси почали розсѣдытися додому. Джерына хата опорожнюлась.

Вечери въ Джерыній хати блыщавъ каганецъ. Джерыха и Немыдора кинулись прыбираты въ хати й перемываты посуду. Весильный чадъ выйшовъ у всихъ зъ головы. Джеря и Джерыха на воли передумувалы, скільки вони вытратылы грошей на весиля. Треба було заплатыты жydови, заплатыты подушне, нашаткуваты другу дижку капусты. Грошей не було ни копійкы.

¹⁾ Иванъ Левицькій. Повисѣти й оповидання, т. I, Сиб. 1899, стор. 184, 134—135.

— А що, стара, будемо робыты? Чымъ будемо оплачуватись?—промовывъ батько.

— Змолотымо та продамо половыну хлеба. Хвалыты Бога, хлибъ уродывъ.

— А якъ не стане хлеба, що будемо йисты,—сказавъ батько.

— То заробымо; хйба жъ не маемо рукъ чы що?—оби-зався сынъ.

— А колы жъ мы його заробымо? Хйба за тїєю панщыною похопыся заробыты?—сказавъ батько.

— Бодай ту панщыну дидько забравъ соби до пекла!—промовывъ сынъ¹⁾.

Таково было въ эпоху крѣпостныхъ порядковъ пробужденіе послѣ «весильного чаду» и вступленіе въ новую жизнь. Страшнымъ контрастомъ звучить это привѣтствіе на ея порогѣ изъ устъ «осавулы», напминавшаго, что завтра молодыхъ ждетъ подневольная работа на помѣщичьемъ току. Ужасомъ черной безысходности вѣетъ отъ этого заключительнаго восклицанія: «бодай тую панщыну дидько забравъ соби до пекла!»...

Мыкола молотывъ поручъ зъ батькомъ.

— А що, музыко, выгравай ципомъ пися свого весилля!—жартувалы чоловікы надъ Мыколою.

Мыкола глянувъ на незличенни скырты, задумався и спытавъ у батька.

— На що одному чоловікови такъ багато хйба? Господы! чы вже жъ винъ пойистъ оце все?..²⁾.

Естественно зародившаяся въ подобныхъ условіяхъ мысль о соціальной несправедливости уже не оставляетъ Мыколу и приводитъ его къ активному протесту, въ результатъ котораго произошла лишь беспощадная экзекуція, подлившая новаго масла въ огонь протеста. Жизнь становится все болѣе невыносимой, тяготы

¹⁾ Ibid., 25.

²⁾ Ibid., 27.

ощущаются все сильнѣе; выходъ одинъ—бѣжать изъ родного села куда глаза глядятъ, оставивъ близкихъ людей и на прощаніе отомстивъ помѣщику единственнымъ бывшимъ въ рукахъ у бѣглецовъ средствомъ — поджогомъ. Мы не будемъ слѣдовать за бѣглецами въ ихъ тяжелыхъ скитаніяхъ по заводамъ, фабрикамъ, по степямъ Новороссіи, по рыбнымъ промысламъ, отсылая читателя къ самой повѣсти. Напомнимъ лишь, что когда, по отмѣнѣ крѣпостного права, Мыкола получилъ возможность вернуться на родину, онъ нашелъ здѣсь ту же эксплуатацію, въ нѣсколько иныхъ, правда, формахъ, ту же систему выжиманія пота непосильной работой, всяческими поборами и притѣсненіями. «Отъ тоби й воля!—говоривъ Джеря.—Отъ тоби й вернувся до господы. И нащо було вертатысь у цей проклятый край! Будь винъ тричи проклять одъ Бога й одъ людей!»¹⁾—таково резюме жизненнаго опыта у нашего протестанта. Не нашелъ успокоенія старый «бурлака», хотя авторъ и смягчаетъ безотрадное впечатлѣніе, закончивъ повѣсть идиллической картинкой мирной жизни на пасѣкѣ.

Эта повѣсть, дѣйствіе которой протекаетъ въ условіяхъ крѣпостного хозяйства, служить какъ бы введеніемъ къ цѣлому ряду произведеній, живописующихъ пореформенную жизнь украинской деревни, которая все такъ же продолжаетъ биться въ крѣпкомъ зажимѣ неблагоприятныхъ эконоимическихъ и социальныхъ условій, сохранявъ къ тому же и всю первобытную темноту и примитивность отношеній. Благодаря этому, просторъ для эксплуататорской дѣятельности представляется безграничный. Уже въ повѣсти «Мыкола Джеря» И. С. Левицкимъ представлены потрясающія картины этой эксплуатаціи на основѣ свободного якобы договора бѣглецовъ отъ ужасовъ крѣпостного состоянія и хозяевъ различнаго рода промышленныхъ предпріятій, и къ этой темѣ онъ возвращается не однократно давая каждый разъ яркую характеристику возобновленной «маленькой панцины». Предъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ ярко, живо-ненно-правдиво и художественно-сильно очерченныхъ фигуръ и сценъ,

¹⁾ Ibid., 134.

въ совокупности развертывающихъ безотрадную картину условий жизни народа. Вотъ эпическая фигура рыбалки Панаса («Рыбалка Панасъ Круть»), испробовавшаго всевозможныя ремесла и нигдѣ не нашедшаго «щастя-доли»; сдѣлавшись наконецъ рыбакомъ, онъ двадцать три года ловить рыбу въ Роси, — «годуе и зодягае мене Рось, спасыби їй, якъ та ридна маты» ¹⁾, говоритъ онъ, — но полное успокоеніе все-таки нашелъ лишь на днѣ рѣки, гдѣ «оддячыла своему ворогови рыба». Вотъ гнетущія картины фабрично-промысловой жизни изъ «Бурлачки», воскрешающія весь ужасъ крѣпостного права при новой обстановкѣ. Вотъ тяжелая доля «Двоухъ московокъ», ставшихъ неповинными жертвами, неизвѣстно кѣмъ принесенными на алтарь милитаризма. Вотъ безсмертныя бабы—Параска и Палажка («Баба Параска та баба Палажка»), олицетвореніе всей той безпросвѣтной темноты, которая густымъ флеромъ окутала украинскую деревню. Вотъ семья Кайдашей («Кайдашева симья»), разбившаяся на непрерывно воюющіе враждебные лагеря, благодаря все тѣмъ же невозможнымъ условіямъ существованія, заставляющимъ съ завистью глядѣть на всякій кусокъ въ рукахъ своего же брата. Вотъ цѣлый рядъ погибшихъ, нравственно разбитыхъ существъ («Пропащи»), принесшихъ всѣ лучшія влеченія своего сердца въ жертву матеріальной полуобезпеченности, такъ и оставшейся, впрочемъ, не достигнутой. Вотъ цѣлыя массы лишенныхъ «на законномъ основаніи» пищи и крова («Жывцемъ поховани»), уже не знающихъ, гдѣ голову приклонить и чѣмъ обезпечить себѣ полуголодное существованіе. . Вопросъ, поставленный въ русской литературѣ Некрасовымъ: «народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ»?—рѣшается и нашимъ писателемъ вполне отрицательно; въ подтвержденіе этого рѣшенія имъ представлена такая масса подлинныхъ «человѣческихъ документовъ», что поневолѣ припоминается пророчество: «на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумаютъ много иныхъ»... Мы не имѣли, конечно, и слабаго полномочія использовать весь матеріалъ этого рода, заключаю-

¹⁾ Ibid., 489.

пійся въ произведеніяхъ И. С. Левицкаго, пересмотрѣвъ длинный мартирологъ погибшихъ и погибающихъ подъ гнетомъ соціальной неправды. Да едва ли, впрочемъ, этотъ матеріалъ и нуждается въ нашемъ подробномъ изложеніи, такъ какъ—мы увѣрены—онъ живетъ въ памяти каждаго читателя или легко можетъ быть освѣженъ по первоисточнику. Мы хотѣли отмѣтить лишь господствующее въ произведеніяхъ украинскаго писателя содержаніе, съ поразительнымъ реализмомъ и пониманіемъ изображающее переломъ въ народной жизни и его тягостныя послѣдствія. Маруся изъ сказки «Запорожци», возвратившись на родную землю спустя столѣтіе, находитъ положеніе родной деревни еще болѣе ухудшившимся и предпочитаетъ по прежнему обратиться въ кусть калины, чѣмъ влачить жалкое существованіе среди современныхъ условій. Таковъ по существу выводъ и самого автора...

Но не одно экономическое оскудѣніе тяжелымъ гнетомъ лежитъ на народѣ; въ связи съ этимъ оскудѣніемъ и какъ необходимое его послѣдствіе — стоитъ умственная и нравственная темнота народной массы, поддерживаемая исключительными отношеніями на Украинѣ. Эта темнота выражается и въ самобытной формѣ—въ видѣ розни, непониманія собственныхъ интересовъ, неумѣнья приспособиться къ обстоятельствамъ; и въ наносной—въ видѣ того презрѣнія къ родной обстановкѣ, которая является какъ результатъ пресловутаго «обрусенія» и пріобщенія къ лакейской цивилизаціи. Фигуры военнаго писаря («Дви московки») и Бубки («Хмары»), горделиво именующаго себя уже Бубковымъ,—относятся къ числу первыхъ образовъ этого рода въ нашей литературѣ. Не смотря на комическое впечатлѣніе, которое производятъ эти и подобныя фигуры, не смотря вообще на обиліе юмористическаго элемента въ произведеніяхъ И. С. Левицкаго, ясно видно, что авторъ видитъ въ нихъ не одну комическую сторону, но тяжело задумывается надъ тѣми общими условіями, которыя производятъ на свѣтъ этихъ «перевертнивъ», своего рода «ни павъ ни воронъ», отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому, заполняющихъ только собою ряды чужеземныхъ эксплуататоровъ, съ удобствомъ усѣвшихся на шеѣ на-

рода... Кстати, у И. С. Левицкаго экономическіе эксплуататоры вообще являются большею частью чужеземцами, какъ это и въ дѣйствительности было въ первое послѣ реформы время. Нарожденіе собственныхъ «глытаивъ», всѣхъ этихъ Калытокъ, Пузыривъ и прочихъ розуваевского типа господъ, особенно ярко изображенныхъ въ комедіяхъ г. Карпенка-Караго, у И. С. Левицкаго не отмѣчено. На смѣну ему въ этомъ отношеніи идутъ уже новые писатели, которые заполняютъ допущенный имъ пробѣлъ въ изображеніи народной жизни.

Интересуясь болѣе всего изображеніемъ народной среды, И. С. Левицкій не оставилъ тѣмъ не менѣе безъ вниманія и нашу интеллигенцію, представивъ въ своихъ произведеніяхъ анализъ тѣхъ условій, среди которыхъ ей приходится жить и дѣйствовать. Разсматривая произведенія нашего писателя съ этой стороны, приходится отмѣтить глубоко-пессимистическій въ общемъ взглядъ его на представителей интеллигенціи на Украинѣ. Причина этому—прежде всего чужія вліянія, которыя въ силу существующихъ условій самымъ фатальнымъ образомъ отражаются на воспитаніи интеллигенціи, оторванной отъ родной почвы. «Московська школа на нашій Украини багато одризнула луччыхъ людей одъ свого народу, одъ свого племя, одъ симби, одъ батька й матери. А зновъ народъ дуже одризнывъ самъ себе одъ папивъ, одъ вченихъ украинцівъ и косымъ окомъ споглядає на ихъ. Межъ ними выкопана велика безодня! И потрібно великоп-великою праці не одного генія, щобъ засыпаты ту провалыну, почату ляхама, скинчену москаляма, щобъ звязаты те, що порвала наша недбайливість та стыдка украинська байдужисть та ледача недобачливість» ¹⁾. Первое зарожденіе этой «безодни» представлено И. С. Левицкимъ въ бытовыхъ очеркахъ «Старосвітськи батюшки и матушки», гдѣ ясно уже намѣчены условія и процессы, приводящіе къ полному разрыву народа съ интеллигенціей, на первыхъ порахъ, какъ въ данномъ случаѣ—съ духовенствомъ. Процессъ разъединенія, начало котораго изображено въ «Старосвітськихъ батюшкахъ та матушкахъ», въ позднѣйшихъ произведеніяхъ

¹⁾ Ив. Левицький.—Повисти й оповидання, т. III, Кієвъ, 1901, стр. 126.

И. С. Левицкого является уже вполне законченнымъ; робкія проявленія своекорыстія у «старосвитскихъ» священниковъ превращаются въ воинствующій антагонизмъ съ народомъ у современныхъ. О. Артемій («По-мижъ ворогами»), читающій «Московскія Вѣдомости», является уже сущимъ врагомъ своей паствы, своекорыстнымъ и преслѣдующимъ исключительно свои личные цѣли и интересы, оторваннымъ отъ народа безповоротно эгоистомъ. Изъ всѣхъ произведеній И. С. Левицкого наиболее яркую иллюстрацію этого процесса распада народнаго организма на враждебно настроенные классы представляютъ двѣ повѣсти: «Прычепа» («Нахаба») и «Хмары». Обѣ онѣ изображаютъ процессъ денационализаціи украинской интеллигенціи,—первая въ сторону ополяченія, вторая въ сторону обрусенія. Такъ какъ разрывъ съ народомъ представляетъ, по мнѣнію автора, измѣну жизненнымъ интересамъ массъ и вызывается своекорыстными расчетами, то И. С. Левицкій не щадитъ сатирическихъ красокъ по адресу интеллигенціи. Въ обѣихъ названныхъ повѣстяхъ талантливый авторъ мастерскою рукою даетъ рядъ картинъ, изображающихъ разбродъ интеллигенціи, ея своекорыстіе, неумѣніе и нежеланіе жить съ пользою для народа, отсутствіе ясныхъ идеаловъ; это въ большинствѣ случаевъ инертная, пассивная, податливая масса, «къ добру и злу позорно равнодушная», которую легко можетъ одурачить и повести за собой всякій ловкій пройдомецъ. Денационализаціи при этомъ поддаются не только полуинтеллигентные Серединскіе и Лемишковскіе, но и высоко образованные люди, въ родѣ профессора Дашковича, который въ началѣ трезво и сознательно смотрѣлъ на свои обязанности по отношенію къ родному народу, но впоследствии заблудился межъ трехъ сосонъ—науки для науки, панславизма и метафизики. Рѣдкія минуты просвѣтлѣнія, въ родѣ той, которую пережилъ Дашковичъ во время своей поѣздки на родину, безсильны возвратить этихъ завянувшихъ и выдохшихся мумій къ живому источнику народной жизни и лишь ярче подчеркиваютъ ихъ внутреннее ничтожество и безсиліе. Часто при изображеніи этихъ «дѣятелей» родной страны у спокойнаго и сдержаннаго обыкновенно автора слышатся публи-

цистическія нотки; возмущенное чувство не выдерживаетъ и прорывается рядомъ отступленій, вредящихъ, можетъ быть, художественной цѣльности, но весьма ярко характеризующихъ общее міровоззрѣніе автора.

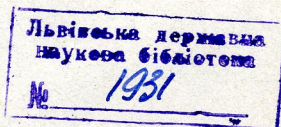
Но на ряду съ этими отрицательными типами интеллигентныхъ слоевъ И. С. Левицкій пытается дать и положительные образы настоящихъ народныхъ дѣятелей. Таковъ Радюкъ въ «Хмарахъ», таковъ Комашко въ позднѣйшей повѣсти «Надъ Чернымъ моремъ». Къ сожалѣнію, положительные типы нашего писателя страдаютъ недостатками, свойственными вообще положительнымъ типамъ, для созданія которыхъ текущая дѣйствительность представляетъ слишкомъ недостаточно матеріала. Не отражая жизни, а опережая, такъ сказать, ее, такіа созданія весьма неопредѣленны, блѣдны и лишены тѣхъ рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ, которыми изобилуютъ другія образы нашего писателя.

Обращаясь къ художественнымъ средствамъ И. С. Левицкаго, мы должны отмѣтить прежде всего его крупныя достоинства, какъ бытописателя, основывающіяся на прекрасномъ знаніи той сферы, изъ области которой онъ заимствуетъ темы для своихъ произведеній, а также умѣнье пользоваться этимъ знаніемъ. По характеру своего творчества, по манеру—это типичный эпикъ, спокойно и безпристрастно разбирающійся и въ сложныхъ проявленіяхъ души человѣческой, и въ явленіяхъ природы и лишь сравнительно рѣдко не выдерживающій спокойнаго тона. Особенно любитъ И. С. Левицкій останавливаться на картинахъ и явленіяхъ природы, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ несомнѣнно крупнаго мастера, даваго много прекрасныхъ образцовъ описательной прозы. Въ описаніяхъ И. С. Левицкаго преобладаетъ пластика, внѣшнее изображеніе, производящее тѣмъ не менѣе сильное впечатлѣніе своею свѣжестью и колоритностью. Къ сожалѣнію, но мѣрѣ того, какъ И. С. Левицкій отходитъ дальше отъ вдохновлявшей его на зарѣ литературной дѣятельности эпохи перелома и шатанія, его произведенія становятся блѣднѣе, эскизнѣе, а реальной и художественной правды въ нихъ меньше. Произведенія послѣдняго періода вообще отмѣчены пе-

чашью усталости, въ зависимости отъ чего достоинства ихъ выступаютъ слабѣе, а недостатки (нѣкоторая условность, реторичность и растянутасть) вырисовываются рѣзче. Лучшими произведеніями И. С. Левицкаго попрежнему остаются его старыя повѣсти и рассказы, о которыхъ мы упоминали выше.

По характеру своей дѣятельности И. С. Левицкій вообще занимаетъ особенное, исключительное мѣсто среди украинскихъ дѣятелей. Натура въ высшей степени спокойная, уравновѣшенная, онъ былъ свободенъ въ своей дѣятельности отъ той неровности и нервности, какой отличались почти всѣ другіе наши выдающіеся писатели. Въ то время, какъ болѣе страстныя натуры безпомощно бились въ тискахъ невозможныхъ условій, кидались изъ стороны въ сторону, размѣниваясь часто на мелочи—И. С. Левицкій твердо шелъ въ одномъ направленіи, систематически работая, регулярно производя на свѣтъ повѣсть за повѣстью, рассказъ за рассказомъ, находя при томъ еще возможность служить народу и въ качествѣ популяризатора и откликаясь иногда на злобы дня публицистическими произведеніями¹⁾. Благодаря этому отсутствію нервности, въ дѣятельности И. С. Левицкаго почти незамѣтно перерывовъ, антрактовъ, которыми такъ богата дѣятельность другихъ украинскихъ писателей; на немъ всего менѣе отразились общія неблагопріятныя условія существованія украинской литературы. Было время (вторая половина 80-хъ годовъ), когда онъ одинъ изъ болѣе крупныхъ старыхъ писателей появлялся предъ украинской публикой въ Россіи, и только по его произведеніямъ читатели могли судить объ украинской литературѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что въ данныхъ предѣлахъ И. С. Левицкій все земное совершилъ, занялъ прочное мѣсто среди дѣятелей украинскаго народа и спокойно можетъ оглядываться на пройден-

¹⁾ Наибольшею извѣстностью изъ публицистическихъ опытовъ И. С. Левицкаго пользуется его работа по поводу статьи Пыпина «Особая исторія русской литературы», озаглавленная—«Украинство на литературныхъ позвахъ зъ Московщиною» (подписана псевдонимомъ Баштовый).

ный путь. Если украинская идея не заглохла окончательно въ тяжелые 80-ые годы, если мы теперь наблюдаемъ оживленіе среди украинскаго общества, распространеніе украинскаго движенія въ ширь и въ глубь, что между прочимъ отмѣтилъ въ одной изъ своихъ рѣчей и самъ юбиляръ, то этимъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ ему, давшему образецъ систематическаго, спокойнаго и неторопливаго труда...

Далеко не все изъ написаннаго нашимъ писателемъ увидѣло свѣтъ въ Россіи: вышедшіе до сихъ поръ три тома полнаго собранія его сочиненій («Повѣсти й оповидання») заключаютъ въ себѣ лишь незначительную часть его литературной продукціи. Многое не допускается къ печати, многое появляется съ весьма значительными купюрами. Причина этого лежитъ въ общихъ условіяхъ существованія украинской литературы, которое до сихъ поръ носитъ всѣ признаки случайности, полу-признанія и едва-едва терпится въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ. Ненормальность такого положенія дѣлъ всѣми признана, и потому весьма удачной является мысль, возникшая на юбилей И. С. Левицкаго, просить у подлежащихъ сферъ освобожденія украинской литературы отъ того отношенія къ ней, которое, продолжаясь уже болѣе 40 лѣтъ (съ 1863 года), особенно обострилось съ 1876 г., когда издано было ограничительное распоряженіе, извѣстное подъ именемъ *Lex Josephoviana*. Въ этомъ слыслѣ была составлена присутствовавшими на юбилейномъ торжествѣ соотвѣтственная резолюція. Повторяю — удачна и самая мысль, такъ какъ все общество должно, наконецъ, само взять въ свои руки инициативу справедливаго и удовлетворительнаго разрѣшенія наболѣвшаго вопроса, не сваливая всю его тяжесть на отдѣльныхъ лицъ; не менѣе удачно и приуроченіе этой мысли къ юбилею одного изъ выдающихся украинскихъ писателей, въ теченіе всей своей жизни практически осуществлявшаго ее своими единоличными усиліями и испытывшаго на себѣ самую тяготу неудовлетворительной постановки украинскаго вопроса. Упомянутое ходатайство, имѣющее вообще громадное общественное значеніе, служить вмѣстѣ съ тѣмъ и естественной данью уваженія къ

заслугамъ любимаго писателя, подчеркивая, съ другой стороны, все растущую солидарность различныхъ круговъ украинскаго общества—по крайней мѣрѣ, относительно самого, быть можетъ, большого вопроса нашей жизни. Если общество сумѣетъ достигнуть отмѣны ограниченій, созданныхъ спеціально для украинской литературы, то этимъ оно выразитъ лучшую признательность дѣтелямъ ея и крупнѣйшему среди нихъ—И. С. Левицкому...

III (20 rows)

057
1931
1986

~~2905~~

БІБЛІОТЕКА
ОВОГО ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА.

~~8440~~

